

Актуальные процессы современного русского синтаксиса

И. А. МАРТЬЯНОВА

Кафедра русского языка Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, 1-я линия В. О., д. 52, RU-199053 Санкт-Петербург
E-mail: irine.pismo@gmail.com

(Received: 7 May 2017; accepted: 16 July 2017)

Abstract: The paper is devoted to the tendencies of syntactic development and functioning of syntactic units in contemporary Russian prose. The recent syntactic processes (reduction of the syntactic relationships, simplification, compression, contamination of syntactic units, integration and disintegration of its components, etc.) are considered in the aspects of language, speech, and text. The author provides a critical analysis of the analytic progress of Russian syntax on the basis of contemporary prosaic discourse (e.g. L. Petrushevskaya, S. Dovlatov, V. Sorokin, V. Makanin, T. Tolstaya, V. Pelevin, S. Bolmat, M. Palei, etc.) and screenplay. Today screenwriting became the main occupation of many Russian authors such as M. Mareeva, A. Mindadze, O. Osetinsky, and others. Contemporary discourse stimulates the development of new syntactic phenomena. The main task is to analyze the qualification of syntactic units (combinations of words, sentences, multicomponent complex statements, syntactic complex, direct speech, etc.) and to make evident the syntactic organization of contemporary Russian prose and screenplay. Syntactic complex is considered as a formed unit of text organization and direct speech is considered as a unique syntactic unit among other types of speech.

Keywords: Russian syntax, contemporary Russian prose, screenplay, syntactic development, analytic tendencies

Синтаксис – живой процесс, в котором, как в фонетике, лексике и морфологии, находит выражение динамика развития русского языка. Но изменения в нем происходят не столь быстро, многие синтаксические единицы формируются в течение веков. Мы являемся свидетелями формирования сложного синтаксического целого, новых типов бессоюзного сложного предложения и других синтаксических единиц.

До сих пор актуальные процессы русского синтаксиса (упрощение, сжатие, контаминация единиц, дезинтеграция и интеграция их составляющих, ослабление синтаксических связей, развитие новых синтаксических единиц и др.) не рассматривались на широком текстовом материале. В современной русистике, в отличие от не потерявших своей значимости исследований 60–80-х гг. прошлого века (АКИМОВА 1982, ШВЕДОВА 1966 и др.), внимание уделяется в основном очевидным средствам выражения аналитизма (парцелированным, вставным, номинативным конструкциям) и его компенсации (союзам, действительным элементам и др.). Между тем актуальные синтаксические процессы приобретают особенную наглядность в русской прозе последнего

двадцатилетия (в произведениях А. Геласимова, В. Маканина, В. Сорокина, Т. Толстой, Д. Рубиной, В. Пелевина, Л. Петрушевской, М. Палей, С. Болма-та, Л. Улицкой и других авторов) и киносценарии.

Проблема синтаксического развития не может быть поставлена только как сугубо грамматическая, вне ее рассмотрения в зеркале современного текста, в силу коммуникативной природы самого синтаксиса. В наше время «не только в „жизни“, но и „в словесности“ на передний план выходит проблема организации высказывания...» (Курицын 1995: 192), но, чтобы понять новое, необходим подход, преодолевающий схоластику статического изучения синтаксиса. На этом настаивал еще О. Э. Мандельштам: «все наше учение о синтаксисе является мощнейшим пережитком схоластики, и, будучи в философии, в теории познания, поставлено на должное, служебное место, будучи совершенно преодолено математикой, которая имеет свой самостоятельный, самобытный синтаксис, – в искусствоведенье эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежечасно колоссальный вред...» (МАНДЕЛЬШТАМ 1989: 183). Анализ актуальных синтаксических процессов требует выхода в социальную и культурную проблематику, но при этом тенденции синтаксического развития не могут интерпретироваться как непосредственное отражение тенденций социокультурных. Так, как это делает, например, Е. А. Покровская, находя общее между кубизмом Пикассо, расщеплением атомного ядра и парцелляцией предложения (Покровская 2001).

Обращаясь к данной проблеме, следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, дифференцировать изменение и нарушение нормы. Влияние на русский язык других языков (прежде всего английского) и устно-разговорной стихии, разумеется, расшатывает литературную норму, что находит отражение в разнообразных синтаксических «неправильностях» Л. Петрушевской, В. Маканина, В. Пелевина, Д. Рубиной и других прозаиков. Но на этот процесс можно смотреть и шире: как на их стремление актуализировать синтаксические аномалии текста, продемонстрировав тем самым сдвиги в мировосприятии автора и читателя. На синтаксическом строе сказывается несомненное влияние и визуализации текста (Земская–Китайгородская–Ширяев 1981, Винокур 1993, Лаптева 1976, Ширяев 1982, Шмелева 2012). Необходимо дифференцировать также общие языковые факторы (взаимобусловленность экономии/избыточности языковых средств) и тенденции развития русского синтаксиса, ведущей из которых остается аналитичность, находящая выражение в разрушении классической фразы, в формировании так называемого рубленого типа прозы:

- (1) Писательница в коме. Какая прелесть! Дурные сериалы имени Санта-Барбары подарили нам это понятие как обиход жизни. В них. Сериалах. Регулярно кто-то лежит в коме, а потом встает и идет как новенький... (ЩЕРБАКОВА 2001: 11).

Аналитичность интерпретируется как вторичное расчленение (первичное датируется концом XVII – началом XVIII вв.). Сегодня «расчлененные

синтаксические конструкции „возвращаются“ в письменный язык на новом этапе развития» (АКИМОВА 1990: 161). *Аналитичность*, или *анализм*, расшифровывается следующим образом: изменения в структуре словосочетаний, прежде всего со связью управления; усиление процессов сегментации и парцелляции; изменение в употреблении односоставных номинативных предложений; появление новых разновидностей бессоюзных сложных предложений; развитие новых типов синтаксических объединений на базе диалогических сцеплений (см. АКИМОВА 1982, ШВЕДОВА 1966 и др.). Перечисленное (как это будет продемонстрировано в дальнейшем) действительно находит свое подтверждение в современном русском тексте. Однако аналитическая тенденция не должна пониматься только как дробление высказывания и текста. Она демонстрирует диалектику расчлененности/интеграции, стимулирует развитие разнообразных скреп: сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов, дейктических элементов, частиц, их сочетаний с наречиями (*и вот уже, вдруг* и т. п.). Они живут в современной русской прозе особенной жизнью, нередко выступая в роли самостоятельных высказываний или их частей, получающих абзацное выделение:

(2) И.

Наконец – Чехов-3 (Сорокин 2009: 19).

Аналитическая тенденция способствует развитию текстообразующей функции обобщающих слов и словосочетаний, поддержанной приемом парцелляции придаточной части:

(3) И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать *простые вещи*:

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать (ЖВАНЕЦКИЙ 2008с: 425).

Парцелляция, одно из самых очевидных проявлений аналитической тенденции, не только членит высказывание, но и подчеркивает его взаимосвязь с компонентами разного объема (член предложения, предикативная часть и др.), отделенными от базового высказывания паузой и знаком препинания, чаще всего точкой:

(4) В браке же от него требовала немногого. Чтобы всегда был при ней.

Против музыки Шуберта не возражала. Только чтобы звучала потихоньку (Пупынин 2005: 95).

В аналитической прозе (см. АРУТЮНОВА 1972) прием парцелляции, мотивированный стремлением автора к выражению иронии и самоиронии, передаче устно-разговорной стихии и другими стимулами, является производным от его общей манеры письма. Например, аналитичность стиля С. Довлатова,

одним из средств выражения которой выступает данный прием, неотделима от его попыток мучительного синтеза, от того, что сам прозаик называл *импрессионистичностью*:

- (5) Я помню тесноту около доски с расписаниями. Запах тающего снега в раздевалке. Факультетскую стенгазету напротив двери. Следы бесчисленных кнопок на ее загибающихся уголках. Отполированные до блеска скамьи возле фотолаборатории... (Довлатов 2000b: 386).

Традиционный подход к исследованию аналитической тенденции и новых синтаксических явлений в определенной мере себя исчерпал. Необходимо дифференцировать языковой, речевой и текстовый аспекты аналитизма (см. Ильенко 2003: 28). В первом случае речь идет о собственно грамматических закономерностях, во втором – о влиянии на литературный язык устно-разговорной стихии. В текстовом же ракурсе на передний план выступают делимитационные процессы, обусловленные не только задачей изображения звучащей речи, но и более глубинными факторами (типологическими, жанровыми, стилевыми). Характеристика актуальных синтаксических процессов современного русского языка подразумевает анализ нового не только в его строе, но и в стимулах, в самом характере речевого и текстового функционирования синтаксических единиц (словосочетания, простого и сложного предложений, конструкции с прямой речью и др.).

Изменения в системе словосочетаний связываются Г. Н. Акимовой, Н. Ю. Шведовой и другими учеными в основном с последствиями влияния на синтаксический строй русского языка устно-разговорной стихии (Акимова 1990, Шведова 1966 и др.). Ими отмечены распад и контаминация словосочетаний (*Адмиралтейская станция/Адмиралтейская*), образование компактных словосочетаний и опрощение многочленных (*подать заявление на апелляцию/подать апелляцию*), а также ослабление согласования, управления и примыкания. Ослабление синтагматической цепочки провоцирует использование формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях (именительный одиночный, именительный кратный): *по маршруту Петербург–Москва, матч «Реал»–«Барселона»*.

Ослабление синтаксических связей выражается также в активизации слабого управления, в абсолютном, без распространителей, употреблении переходных глаголов *смотреть, любить, читать, шить* и т. п. Такое использование переходных (и непереходных) глаголов имеет речевые и текстовые стимулы. Оно может быть средством выражения авторской самоиронии:

- (6) И после того, как не понял сложного и *не осуществил*, начинаешь открывать простые вещи... (Жванецкий 2008с: 425).

В риторике оно нередко лежит в основе манипулятивного приема затемнения смысла, например, когда политик только декларирует свое стремление *общаться* (с кем?), *помогать* (кому?). В сценарии погружение во внутрен-

ний мир персонажа (аналог кинематографического наплыва) может синтаксически оформляться как расширение объектной позиции. Это, в свою очередь, провоцирует отрыв от переходного глагола распространенного объекта, для выражения которого используется несколько предикативных частей:

- (7) Я почувствовал чей-то взгляд, оглянулся и увидел глаза матери.
Это меня она искала в толпе. Я понял, что она вспомнила...

... Тот осенний день, когда лошадь, чего-то испугавшись, выбросила меня из и я запугался одной ногой в стремени (Мишарин–Тарковский 1988: 130).

В характеристике словосочетания необходимо обратить внимание на подчеркнутую аномальность сочетаемости его компонентов (инвертированность, тавтологичность, неточность и т. п.), провоцируемую современным текстом:

- (8) Ежик Гарик очень выступал перед волком Семеном Алексеевичем, который сидел поперек его пути... (ПЕТРУШЕВСКАЯ 2003b: 94).
- (9) ... Другая была пришей кобыле хвост подруга, преданная и любящая подкодная змея, которая обожала свою Марусю до такой степени, что заодно влюбилась в ее мальчика Боба, и иногда они втроем ходили куда-нибудь в гости, к Боба знакомым художникам и поэтам (ПЕТРУШЕВСКАЯ 1998: 251).

Изменения, происходящие в словосочетании, простом и сложном предложении, а также в синтаксической организации текста, взаимосвязаны. Отмечено, что в современном русском языке развитие простого предложения выражено менее ярко (если иметь в виду стабильность структурных схем), чем развитие словосочетаний, однако и в нем происходят изменения, подобные тем, какие отмечаются в словосочетании: сжатие синтаксических конструкций, несогласованность их компонентов. Это оказало влияние на развитие конструкций с некоординированными главными членами (*Угрюмость – от одиночества*), активизировало функционирование так называемого именительного изолированного (АКИМОВА 1990: 37–72).

- (10) Теперь вот заплакала от встречи с отвергнутым ею родственником.
Какие-то сошедшие с рельсов эмоции... Нервные клетки, потерпевшие крушение... (ЩЕРБАКОВА 2007: 138).

Безобъектное использование переходных глаголов ведет к перерождению субъектно-объектных предложений в собственно субъектные: *Сестра шьет платье – Сестра шьет*. Активизация описательных глагольно-именных оборотов (*перестроить – произвести перестройку*) повлекла изменение предиката и, как следствие, объема простого предложения (АКИМОВА 1990: 115).

Интеграция на уровне предложения выражается в создании лексем, возникших под диктатом синтаксической схемы, вовлечении в семантико-структурные типы предложения новых пластов лексики. Это привело к пополнению

состава безличного предложения глаголами *ходится, работается, бегаются* и др., к значительному расширению лексического состава номинативных предложений (названия деталей интерьера, внешности, событий и др.) (см. Ильенко 2003: 398).

- (11) Наши первые игрушки, перешитые курточки старших братьев. Бутерброды, завернутые в газету, девочки в строгих коричневых юбках. Мелочь из отцовского кармана. Экзамены, шпаргалки... нелепые, ужасающие стихи... Мысли о самоубийстве... Стакан «Агдама» в подворотне... Армейская махорка... Дочка, варежки, рейтузы, подвернувшийся задник крошечного ботинка... Косо перечеркнутые строки... (Довлатов 2000а: 217).

Очевидны изменения в функционировании простых предложений. Новациям в поведении номинативных предложений было уделено внимание многих исследователей (например, Арутюнова–Ширяев 1983, Проничев 1991 и др.). Особенно интересным представляется формирование их синтаксических синонимов (см. Ильенко 2003: 57–79), частотному употреблению которых во многом способствовало развитие драматургии и киносценария. Синтаксические синонимы номинативных предложений задают более точный ракурс восприятия изображаемой действительности, по сравнению с традиционной формой именительного падежа (ср. *Комната / В комнате; Причал / У причала*).

Особняком стоит вопрос о неполном предложении, которое необходимо рассматривать с новых позиций, не только как языковое, но как речевое и текстовое явление (Ильенко 2003: 57–76). Его неполнота может мотивироваться *лакунарностью* текста. В киносценарии, где многое остается «за кадром», требуя от читателя-зрителя домысливания, неполное предложение используется, подобно риторической фигуре умолчания. Его функциональный потенциал был использован С. М. Эйзенштейном в эпизоде убийства митрополита Филиппа (сценарий фильма «Иван Грозный»):

- (12) Кротко теплится под лампадою лик Троеручицы.
Тремя руками господу славит...
Из темного угла две ноги торчат:
Ноги Филиппа...
Вздروгнули.
Вытянулись.
Затемнение (Эйзенштейн 1971: 371).

В структуре простого предложения отмечена также активизация детерминирующих обстоятельств. Этот процесс обусловлен не только ослаблением присловных связей, но и текстовым характером функционирования детерминантов. В примере (13) из сценария фильма «Звезда пленительного счастья», где речь идет о казни декабристов, под воздействие детерминантов (*в этот день под Петербургом, в Царкосельском парке*) подпадает как первое высказывание, так и текстовый фрагмент в целом:

(13) В ЭТОТ ДЕНЬ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ, В ЦАРКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ...

Прогуливаясь по аллее над прудом, где плавали лебеди, царь Николай бросал платок, и сопровождавший его пудель прыгал в воду и снова возвращался к ногам царя. День был солнечный, тихий. Развлечения царя прервал голос адъютанта.

– Свершилось, ваше величество!

Николай перекрестился и быстро зашагал к Александровскому дворцу (Мотыль–Осетинский 1973: 40).

Границы простого и сложного предложений размываются мнимой однородностью сказуемых. В школьной традиции примеры (14) и (15) квалифицируются как простые предложения, осложненные однородными сказуемыми. Однако в академической грамматике они трактуются как сложные предложения (см. РГ-1980: 461–462), в которых каждое сказуемое рассматривается в качестве предикативного центра их частей:

(14) В результате моллюск Адриан перестал вообще подходить к телефону, боялся (ПЕТРУШЕВСКАЯ 2003а: 41).

(15) Симеонов тушил свет... и очень часто сдавался, и тогда ел на ужин горячее... (ГОЛСТАЯ 2004b: 441).

Для понимания изменений в системе сложного предложения является принципиальной его трактовка в качестве структурно-семантического единства, составляющими которого выступают не самостоятельные простые предложения, а предикативные части, нередко занимающие позиции членов простого предложения:

(16) Одна была как Брижит Бардо, русский смуглый вариант, все в большом порядке и мальчики смотрят со значением... (ПЕТРУШЕВСКАЯ 1998: 250–251).

Современные синтаксические концепции (Ляпон 1986 и др.) не предполагают непреодолимой границы между простым и сложным предложением, между сложным предложением и текстом. Не менее важным является представление о центре и периферии поля сложного предложения. Его ядром, т. е. наиболее грамматикализированным структурно-семантическим единством, является сложноподчиненное предложение, прежде всего нерасчлененного типа. В настоящее время усилилась тенденция использования их придаточных в качестве компонентов простых предложений. Подобный прием, подчеркнутый снятием запятых, используется многими современными авторами (С. Болмат, Л. Петрушевская, М. Жванецкий и др.):

(17) Не ври, делай что хочешь! (ЖВАНЕЦКИЙ 2008d: 448).

Как уже говорилось, подчинительные союзы и союзные слова, маркирующие придаточные части, обнаруживают способность к автономному употреблению:

- (18) Тыл это я. И при нападении сзади, со стороны жэка, водопроводчика и разных мастеров, стою я. Так учили вы меня. И я понял... Ибо. Ах, ибо. Творческое, раскованное поведение в общественной приводит к счастью в личной жизни (ЖВАНЕЦКИЙ 2008а: 153).

Автономность использования скрепы сочетается с приемом парцелляции придаточной части, вплоть до ее оформления в виде отдельного абзаца:

- (19) Все ликовали и рассказывали друг другу теперь уже анекдоты про Короля. Ведь королей не выбирают, как пап и мам – какие детки такие у них и родители (ПЕТРУШЕВСКАЯ 1997b: 72).

Границы сложносочиненного предложения (в первую очередь открытой структуры), которое было бы точнее назвать предложением-высказыванием, размываются по сути текстовыми взаимоотношениями его частей. В современном прозаическом дискурсе связывающие их сочинительные союзы актуализируют абсурдность изображаемой действительности. Это получает соответствующую пунктуационно-графическую аранжировку, когда на смену внутрипредложенческим знакам препинания приходит точка:

- (20) И они просто и буднично выстрелили. А Виктор и Вера упали.
И тогда наконец Виктор проснулся (ПУПЫНИН 2005: 108).

Представления об изменении русского сложного предложения связывают прежде всего с бессоюзием. Не рассматривая специально вопрос о сущности графического бессоюзия (РГ-1980: 634–650, ИЛЬЕНКО 2003: 317–325), подчеркнем, что в его составе развиваются не только синтаксические синонимы сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, но и новые типы собственно бессоюзных сложных предложений (21), а также текстовые явления (22):

- (21) Первый признак действительно талантливого человека: он радуется чужому успеху (ШВАРЦ 1990: 321).
- (22) Поздно было оправдываться или нападать, девушка Соня из Красноярска бросилась вниз по лестнице, каблучки застучали, и на болячку наплевала (КУЧКИНА 2006: 30).

Не менее интересные процессы происходят в сфере многокомпонентных сложных высказываний с одинаковыми и разными видами связи. Ранее интерпретировались в основном их объем и структурные особенности (см. ГАВРИЛОВА 1979 и др.), но такой герметичный, собственно грамматический подход должен быть дополнен выходом в текст. Это было продемонстрировано Г. Н. Акимовой в анализе рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня», текст которого разворачивается как многокомпонентное сложное высказывание (АКИМОВА 2006). Подобные высказывания имеют разнообразные стимулы функционирования не только в классическом или модернистском дискурсе

Л. Н. Толстого или В. В. Набокова, но и в произведениях Т. Толстой, В. Тучкова, Л. Петрушевской, С. Болмата, А. Слаповского, а также в киносценариях А. Тарковского, С. Соловьева и других авторов.

При рассмотрении речевого и текстового аспектов аналитичности невозможно обойти вниманием активное использование вставных конструкций. С одной стороны, они характерны для спонтанной устной речи, а с другой – обладают значительным текстообразующим потенциалом. С их помощью создается иллюзия живой звучащей речи, актуализируются рефлексия автора, его поиск средств художественной выразительности:

- (23) Таких сидело на бортике человек десять-пятнадцать. Чего-то в жизни не угадавшие (не нашедшие). Не знающие, куда теперь идти дальше (МАКАНИН 2010: 300).

Сегодня все чаще статус вставных конструкций приобретают предикативные части сложных предложений (см. ВЕСЕЛОВСКАЯ 2012):

- (24) Если угодно, здесь драма минуты, столь любимая в перипетиях кино. Не успевает человек перейти мост (мост уже взлетает на воздух). Не успевают удрать за границу (их арестовывают). Не успевают уехать из отеля (а там бубонная чума) (МАКАНИН 1999: 298).

В русской прозе конца XX – начала XXI вв., наряду с синтагматически не связанными конструкциями, в роли вставок часто выступают синтаксические сегменты, связанные с основным предложением:

- (25) Поэтому (на безрыбье рак рыба) Елена Прекрасная села даже немного боком и в упор стала смотреть на первую слабенюкую звезду над горами, чуть выше и левее незнакомца, а потом перевела взор на собственные босоножки (быстро) и так же мгновенно взглянула на сам объект, который в ответ на это зевнул, потер руками лицо и ушел вон (ПЕТРУШЕВСКАЯ 1997а: 20).

Важнейшим стимулом развития вставных конструкций, как это показал В. А. Шаймиев, является их участие не только в делимитации, но и в интеграции текста, в реализации его про- и ретроспективных связей (ШАЙМИЕВ 1988). Включение вводных и вставных конструкций увеличивает объем высказывания, создавая иллюзию его неограниченного, подобно гипертексту, развертывания:

- (26) ...Честный человек, внешне очень похожий на образ Пьера Безухова из романа «Война и мир» Толстого, очки, полнота, доброта, этот человек вдруг встречает энергичную, целеустремленную женщину старше себя, и эта женщина начинает любить Пьера с огромной, неистовствующей силой, буквально уводит его с неведомого одинокого пути, по которому он шел в монахи, он теряет голову, они, двое влюбленных, мотаются то там, то здесь, то в Питере (она из Питера), то на родине предков в Москве, в его квартире, которую он должен был (кстати говоря) перед уходом в монахи

отдать тетке, прописать ее к себе через, скажем, фиктивный брак, в монастыре ему ничего не понадобится, – или же негласно отдать монастырю: была некоторая борьба в душе Пьера по этому поводу заранее, между монастырем и семейным долгом, мужу тетки предстояло оплачивать дорогое лечение у тибетского ламы... (нашли знахаря, врачи не в счет, они хирурги, им бы лишь бы отрезать), а сыну ее необходимо было дать деньги, так как он угнал в пьяном виде чужую машину (ПЕТРУШЕВСКАЯ 2000: 6).

Диалогизированность является еще одним несомненным фактором развития синтаксического строя русского языка, ею пронизаны разнообразные единицы синтаксиса. Напомним, что, с диахронической точки зрения, в основе русского сложноподчиненного предложения лежит вопросо-ответный диалог (см. КАРЦЕВСКИЙ 1961): *Тот, кто любит, идет до конца / Кто идет до конца? – Тот, кто любит*. Современные авторы актуализируют диалогизированность графической аранжировки многокомпонентных сложноподчиненных высказываний:

- (27) Если ты раньше не был удачлив.
 Если ты раньше не был терпим.
 Если ты раньше завидовал чужому.
 Если ты раньше мечтал отнять и поделить...
 Зачем тебе Америка? (ЖВАНЕЦКИЙ 2008b: 333).

Чужая (и другая) речь своеобразно входит в современный прозаический дискурс и взаимодействует с окружающим контекстом, нарушая привычные каноны:

- (28) А говорит он общеизвестные парадоксы – симулянтами, вещает он, полны кладбища, и Бог не имеет отношения к религии, и единственное, к чему стремятся все политики, это переизбрание, сигаретку попрошу? Такие же речи он носит и в гости, в очень редкие гости (не зовут, он сам приходит, буквально стоит у подъезда и беззубо, умильно просится в домофон: я тут пролетаю над вашей территорией, можно к вам?). А секрет в том, что его боятся, вдруг да начнет оставаться (любимая фраза женщин: «Чувствую, он начинает оставаться») (ПЕТРУШЕВСКАЯ 2005: 7).

В современной русской прозе и киносценарии конструкция с прямой речью по-прежнему предстает как уникальная синтаксическая единица, не сводимая к тому или иному типу сложного или осложненного предложения. Однако она демонстрирует изменение своего пунктуационно-графического оформления:

- (29) И так держал ежика Гарика в тумане 10 минут по часам, а потом вытер слезы и сказал: «С детства мечтал посмотреть фильм Норштейна» (ПЕТРУШЕВСКАЯ 2003b: 94).

Как слова автора (30), так и собственно прямая речь (31) могут представлять в форме вводной или вставной конструкции:

- (30) Как много, как бесконечно много может провалиться (объяснял ей старый Арсеньич) – уйти в зазор меж двух слов. Туда и выбрасывает лишнее искусный хитрец-автор (МАКАНИН 2010: 300).
- (31) Я встречала ее в спёртом воздухе кинотеатра (снимите шляпу, бабуля! ничего же не видно!). Невпопад экранным страстям Александра Эрнестовна шумно дышала, трещала мятым шоколадным серебром, склеивая вязкой сладкой глиной хрупкие аптечные челюсти (ТОЛСТАЯ 2004а: 40).

Оформление прямой речи связано с тенденцией «озвучивания» текста. Иллюзию спонтанной устной речи, столь значимой для киносценария, создает использование сегментированных конструкций (парцелированных, предикативных перифраз, вовлекающихся в сферу связей слов и словосочетаний):

- (32) – Есть чем записать? Нет? Шахов – запомни фамилию. Это адвокат. На Первомайской, в консультации (МИНДАДЗЕ 1991: 125).

Но «когда пунктуация, казалось бы, „озвучивает“ текст, на самом деле часто это лишь иллюзия, рассчитанная на зрительное восприятие» (АКИМОВА 1990: 57).

- (33) Богомол общался не словами, а как-то иначе, но Лена все понимала.

«Я здесь работаю, – ответила она. – Жду клиентов».

«???»

Лена поняла, что отвечать тоже можно не словами, а просто подняв какую-то заслонку в уме, чтобы содержащееся за ней выплеснулось наружу и стало доступно богомолу. Она так и сделала.

«– —»

Богомол сделал то же самое – убрал преграду, которая отделяла его сознание от сознания Лены, и в Лену хлынуло невообразимое (ПЕЛЕВИН 2008: 202).

В киносценарии денотатом конструкции с прямой речью все чаще (по сравнению с другими типами текста) выступает синкретичная ситуация звучания, слухового восприятия и наблюдения, поэтому в словах автора могут присутствовать позиции и говорящего, и наблюдателя:

- (34) Я, видите ли, вру очень много, – сказала Веденева, и видно было, что это всерьез. – В последний год особенно (СОЛОВЬЕВ 1980: 171).

В тексте сценария роль наблюдателя является ведущей, что в синтаксическом отношении приводит к элиминации предиката говорения/слухового восприятия и к его графическому отрыву от слов автора. Собственно, следующее за прямой речью высказывание нередко перестает быть традиционными словами автора, представляя собой «снимок» персонажа с точки зрения стороннего наблюдателя:

- (35) А мы уже обедать садимся. – Воспитательница следила за тем, как взмокшая от бега Нина сдирала с Вовки курточку (МАРЕЕВА 1990: 79).

Трансформация конструкции с прямой речью подтверждает то, что для интерпретации изменений, происходящих в способах синтаксической передачи речевой полифонии, требуется не только пунктуационный или собственно грамматический подход, но также текстовый, учитывающий изменение ролей автора, персонажа и читателя в современной литературе. В ней появляются новые способы развертывания и, как следствие, пунктуационно-графического представления диалогических единств. Диалог, компонентами которого они являются, демонстрирует изменения как в общении с *другим* (36), так и с самим собой (37):

- (36) Никакого билета у меня нет, оскалив зубы в зловещей усмешке, отозвался режиссер, лечу в белый свет как в копеечку. Настолько срочно надо, спросил Андрей. А вам не надо, вопросом на вопрос ответил режиссер (Кучкина 2006: 36).
- (37) Включи же на полный удар всю оптику своей уходящей души, – что видишь ты? – душа взмывает все выше, – что видишь ты? – выше! – отсрочек больше не будет, – так что же ты видишь в последний миг своего безвозвратного зренья? Я вижу счастье (ПАЛЕЙ 2000: 410).

Подводя итог, подчеркнем, что аналитичность, демонстрирующая диалектику расчлененности/интеграции высказывания и текста, остается важнейшей тенденцией развития современного русского синтаксиса. Актуальные синтаксические процессы отмечены прежде всего в произведениях авторов, трагикомический дискурс которых демонстрирует дисгармонию мира и самовосприятия, иронию и самоиронию (С. Довлатов, Л. Петрушевская, В. Сорокин, В. Пелевин и др.). Сегодня одновременное упрощение (аналитическая дробность) и усложнение синтаксиса (Руднев 1997: 240) выступает на передний план как специальная забота автора.

Рассмотренная проблема «предполагает постоянное возвращение к ней и ревизию того, что было квалифицировано как новое: какое место оно занимает в синтаксической системе и арсенале стилистических ресурсов? Смело можно сказать, что это вечная тема синтаксиса» (ШМЕЛЕВА 2012: 339).

Источники

- Довлатов 2000a = Довлатов С. Заповедник. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 2. Санкт-Петербург, 2000. 169–276.
- Довлатов 2000b = Довлатов С. Филиал. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 4. Санкт-Петербург, 2000. 383–506.
- Жванецкий 2008a = Жванецкий М. Письмо женщине. В кн.: *Избранное*. Москва, 2008. 151–154.
- Жванецкий 2008b = Жванецкий М. Зачем тебе Америка? В кн.: *Избранное*. Москва, 2008. 331–333.
- Жванецкий 2008c = Жванецкий М. Простые вещи. В кн.: *Избранное*. Москва, 2008. 425.

- ЖВАНЕЦКИЙ 2008d = ЖВАНЕЦКИЙ М. Отодвинули облако. В кн.: *Избранное*. Москва, 2008. 447–449.
- Кучкина 2006 = Кучкина О. *Этаж, или И сомкнулись воды*. Москва, 2006.
- МАКАНИН 1999 = МАКАНИН В. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. Москва, 1999.
- МАКАНИН 2010 = МАКАНИН В. *Удавшийся рассказ о любви*. Москва, 2010.
- МАРЕЕВА 1990 = МАРЕЕВА М. Принцесса на бобах. *Киносценарии* 1990/5: 70–94.
- МИНДАДЗЕ 1991 = МИНДАДЗЕ А. Охота на лис. В кн.: *Парад планет*. Москва, 1991. 117–157.
- МИШАРИН–ТАРКОВСКИЙ 1988 = МИШАРИН А., ТАРКОВСКИЙ А. Зеркало. *Киносценарии* 1988/2: 120–154.
- МОТЫЛЬ–ОСЕТИНСКИЙ 1973 = МОТЫЛЬ В., ОСЕТИНСКИЙ О. Звезда пленительного счастья. *Киносценарии* 1973/1: 3–62.
- ПАЛЕЙ 2000 = ПАЛЕЙ М. *Long Distance, или Славянский акцент: сценарные имитации*. Москва, 2000.
- ПЕЛЕВИН 2008 = ПЕЛЕВИН В. *П5 (Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана)*. Москва, 2008.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 1997a = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Новые приключения Елены Прекрасной. В кн.: *Настоящие сказки*. Москва, 1997. 9–26.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 1997b = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Верба-хлест. В кн.: *Настоящие сказки*. Москва, 1997. 70–87.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 1998 = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. О, счастье. В кн.: *Дом девушек*. Москва, 1998. 250–254.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 2000 = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Лавина. *Звезда* 2000/9: 6–11.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 2003a = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Лав стори (роман). В кн.: *Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуски бятые*. Москва, 2003. 41–42.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 2003b = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Снимается кино. В кн.: *Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуски бятые*. Москва, 2003. 94.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ 2005 = ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. Ребенок Тамары. В кн.: *Измененное время*. Санкт-Петербург, 2005. 5–20.
- ПУПЫНИН 2005 = ПУПЫНИН Ю. Глаза. *Звезда* 2005/7: 92–110.
- СОЛОВЬЕВ 1980 = СОЛОВЬЕВ С. Спасатель. *Искусство кино* 1980/1: 161–191.
- СОРОКИН 2009 = СОРОКИН В. *Голубое сало*. Москва, 2009.
- ТОЛСТАЯ 2004a = ТОЛСТАЯ Т. Милая Шура. В кн.: *Река оккервиль*. Москва, 2004. 39–49.
- ТОЛСТАЯ 2004b = ТОЛСТАЯ Т. Река Оккервиль. В кн.: *Река оккервиль*. Москва, 2004. 436–448.
- ШВАРЦ 1990 = ШВАРЦ Е. Л. *Живу беспокойно... (из дневников)*. Ленинград, 1990.
- ЩЕРБАКОВА 2001 = ЩЕРБАКОВА Г. *Уткоместь, или Моление о Еве*. Москва, 2001.
- ЩЕРБАКОВА 2007 = ЩЕРБАКОВА Г. Год Алены. В кн.: *Косточка авокадо*. Москва, 2007. 49–178.
- ЭЙЗЕНШТЕЙН 1971 = ЭЙЗЕНШТЕЙН С. М. Иван Грозный. В кн.: *Избранные произведения в 6 томах*. Т. 6. Москва, 1971. 197–420.

Литература

- АКИМОВА 1982 = АКИМОВА Г. Н. *Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка*. Ленинград, 1982.
- АКИМОВА 1990 = АКИМОВА Г. Н. *Новое в синтаксисе современного русского языка*. Москва, 1990.

- АКИМОВА 2006 = АКИМОВА Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? *Мир русского слова* 2006/3: 25–29.
- АКИМОВА и др. 2009 = АКИМОВА Г. Н., ВЯТКИНА С. В., КАЗАКОВ В. П., РУДНЕВ Д. В. *Синтаксис современного русского языка*. Санкт-Петербург–Москва, 2009.
- АРУТЮНОВА 1972 = АРУТЮНОВА Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы. В кн.: *Общее и романское языкознание*. Москва, 1972. 189–199.
- АРУТЮНОВА–ШИРЯЕВ 1983 = АРУТЮНОВА Н. Д., ШИРЯЕВ Е. Н. *Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение*. Москва, 1983.
- ВЕСЕЛОВСКАЯ 2012 = ВЕСЕЛОВСКАЯ Т. М. Русское сложноподчиненное предложение: каноническая и неканоническая придаточность. В кн.: *Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии*. Санкт-Петербург, 2012. 348–359.
- ВИНОКУР 1993 = ВИНОКУР Т. Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*. Москва, 1993.
- ГАВРИЛОВА 1979 = ГАВРИЛОВА Г. Ф. *Усложненное сложное предложение в русском языке*. Ростов-на-Дону, 1979.
- ЗЕМСКАЯ–КИТАЙГОРОДСКАЯ–ШИРЯЕВ 1981 = ЗЕМСКАЯ Е. А., КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В., ШИРЯЕВ Е. Н. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва, 1981.
- ИЛЬЕНКО 2003 = ИЛЬЕНКО С. Г. *Русистика. Избранные труды*. Санкт-Петербург, 2003.
- КАРЦЕВСКИЙ 1961 = КАРЦЕВСКИЙ С. О. Бессоюзие и подчинение в русском языке. *Вопросы языкознания* 1961/2: 125–133.
- КУРИЦЫН 1995 = КУРИЦЫН В. О сладчайших мирах. *Знамя* 1995/4: 191–201.
- ЛАПТЕВА 1976 = ЛАПТЕВА О. А. *Русский разговорный синтаксис*. Москва, 1976.
- ЛЯПОН 1986 = ЛЯПОН М. В. *Смысловая структура сложного предложения и текст*. Москва, 1986.
- МАНДЕЛЬШТАМ 1989 = МАНДЕЛЬШТАМ О. Э. Разговор о Данте. В кн.: *Избранное*. Таллин, 1989. 164–208.
- ПОКРОВСКАЯ 2001 = ПОКРОВСКАЯ Е. А. Этапы развития русского синтаксиса в лингвокультурологическом аспекте. *Русский язык* 2001/8: 4–47.
- ПРОНИЧЕВ 1991 = ПРОНИЧЕВ В. П. *Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: предметно-ситуативные номинации*. Ленинград, 1991.
- РГ-1980 = *Русская грамматика*. Т. 2. Синтаксис. Москва, 1980.
- РУДНЕВ 1997 = РУДНЕВ В. П. *Словарь культуры XX века*. Москва, 1997.
- ШАЙМИЕВ 1988 = ШАЙМИЕВ В. А. Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий. В кн.: *Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц*. Ленинград, 1988. 117–126.
- ШВЕДОВА 1966 = ШВЕДОВА Н. Ю. *Активные процессы в современном русском синтаксисе*. Москва, 1966.
- ШИРЯЕВ 1982 = ШИРЯЕВ Е. Н. Структура разговорного повествования. В кн.: *Текст как целое и компоненты текста*. Москва, 1982. 106–121.
- ШМЕЛЕВА 2012 = ШМЕЛЕВА Т. В. Визуализация синтаксиса. В кн.: *Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии*. Санкт-Петербург, 2012. 339–347.